

Лексикографическая семья пополнилась новым словарем – новым как по дате выхода, так и по принципам подачи материала. Каждый словарь так или иначе вписывается в предшествующую традицию в своей области. "Толковый словарь иноязычных слов" Л.П. Крысина является интересным опытом, появившимся на пересечении трех "парадигм" (в терминологии Т. Куна [Кун 1977]): а) "парадигмы" средневековых глоссариев, приточников и азбуковников (прообразов словарей иностранных слов); б) личной "парадигмы" автора; в) "парадигмы" интегрального лексикографического описания языка (в духе Ю.Д. Апресяна и Ю.Н. Караулова). Опыт оказался удачным: и у рецензируемого словаря, и у тех словарей, которые – несомненно – выйдут за ним вслед по проложенным следам, впереди хорошее будущее. Очевидно, заявленные три "парадигмы" требуют некоторой расшифровки.

Первая "парадигма" связана с историей создания словарей иностранных слов в отечественной науке. Остановимся вкратце на основных, узловых моментах, предвещающих появление данного Словаря, чтобы еще отчетливее оттенить, подчеркнуть то новое, что внес Л.П. Крысин в современное лексикографирование иностранных слов – поистине "большое видится на расстоянии" (С. Есенин). Действительно, история словарей иноязычных слов в русском языке насчитывает много столетий: в древности элементы будущих толковых словарей-справочников были вкраплены в тексты в виде глосс. Древнейшим глоссарием является "Речь иудейскаго языка преложена на рускую неразумно на разум, и в евангелих, и в апостолах, и в псалтыри, и в паремии, и в прочих книгах", помещенная в качестве приложения к Новгородской Кормчей 1282 г. Этот глоссарий содержит небольшой свод (174 слова) имен библейских персонажей, наименований библейских мест (имена собственные составляют 115 толкуемых лексем), и небольшое количество имен нарицательных: еврейских, греческих, латинских, арабских, эфиопских – всего 59 слов. Первые же более или менее систематизированные и направленные на толкование в первую очередь апеллативной лексики перечни глосс относятся к XIII веку. Глоссарии и были прообразами современных словарей иностранных слов.

Лексикография должна была пройти долгий путь развития, прежде чем первый – в со-

временном смысле термина (то есть не основанный на толковании слов только одного текста или т и п а текста – богослужебного, богословского) – словарь иностранных слов, содержащий 503 слова, появился в XVIII веке по поручению Петра Первого – рукописный "Лексикон вокабулам новым по алфавиту" (он был опубликован только спустя два столетия [Смирнов 1910; Обнорский, Бархударов 1948]).

Первый печатный словарь создан лишь в середине 60-х годов – "Словарь разноязычный, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов" Н.И. Курганова (издан в качестве приложения в [Российская универсальная грамматика 1789]). Наконец, следует упомянуть "Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту..." (1803–1806 гг.; Ч. 1–3) Н.М. Яновского (данный словарь примечателен тем, что содержит более 10 000 слов и по принципам толкования может быть назван словарем энциклопедическо-филологического типа [Цейтлин 1958; Василевская 1967; 1969; Войнова 1980; История 1998: 74 (данный раздел написан Л.С. Ковтун)]; полемику М.Ш. Файнштейна по некоторым вопросам с указанными авторами см. в [История 1998: 131–137]), а также "Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)" (Т. 1–3. СПб., 1863–1864) В.Р. Зотова и Ф.Г. Толля. (Упоминание двух последних словарей неслучайно, их связь со Словарем Л.П. Крысина мы еще прокомментируем.) Итак, от средневековых глоссариев (через более поздние азбуковники, приточники) – через лексикографию XVIII и XIX веков – к современности: таковы опорные точки первой "парадигмы".

Вторая "парадигма" отсылает нас к научной стезе Л.П. Крысина. Данный Словарь – логическое и закономерное продолжение наблюдений над иностранными словами, которые по предложению В.В. Виноградова в 60-е годы начал ученый в своей кандидатской диссертации, опубликованной позднее в виде отдельной книги "Иноязычные слова в современном русском языке" (М., 1968), – обратите внимание на переключку названий книги и Словаря: в обоих трудах исходным является прилагательное "иноязычный", а не "иностраный" (обоснование данной позиции автора читатель найдет как в упомянутой

книге, так и в Словаре). Принципы, заложенные в этой книге, давно уже ставшей настольной для специалистов-лексикологов, реализуются и реализуются в вышедшем Словаре. Проверка высказанных ранее теоретических положений на практике, длившейся почти 30 лет, до выхода данного Словаря, – доказательство тщательной и неспешной работы ученого, которого не устраивают скоропалительные решения и наспех, на потребу моде и рынку сделанные "словари" (а таких в наши дни предостаточно). Таким образом, ранняя книга Л.П. Крысина и вышедший сейчас Словарь представляют два опорных пункта личной "парадигмы" лингвиста.

Третья "парадигма" связана с влиянием идей Ю.Д. Апресяна и Ю.Н. Караулова на современную лексикографическую мысль. С именем первого лингвиста в отечественной лексикографии начался период интегрального подхода к слову [Апресян 1986]. С именем второго ученого в русской лексикографии сформировалось представление о словарной статье как о варьируемом наборе лексикографических параметров, изменяющих от словаря к словарю в зависимости от его целей, функций, потребителя и т.д. [Караулов 1981]. Несомненно, теоретические идеи Апресяна и Караулова и их практическое (словарное) воплощение являются продолжением и развитием мыслей, высказанных в свое время Л.В. Щербой при создании им общей типологии словарей. Щерба представил систему словарей в следующих оппозициях (противоположениях): словарь академического типа – словарь-справочник; энциклопедический словарь – общий словарь; thesaurus – обычный словарь (толковый, переводной); обычный словарь – идеологический (= идеографический) словарь; толковый словарь – переводной словарь; неисторический словарь – исторический словарь [Щерба 1958]. Эти "чистые" оппозиции на практике в словарном деле чаще всего переплетены, отражая сложность и противоречивость самого объекта описания. Л.П. Крысин творчески использовал накопленные лексикографические достижения Щербы, Апресяна и Караулова, сформировав теоретическую и практическую позицию своего словаря (некоторые положения были сформулированы в [Крысин 1997]). Такое "парадигматическое" представление данного Словаря помогает обратиться к истокам, увидеть современную проблематику и спрогнозировать развитие словарей такого типа в будущем.

Перечислять положительные стороны Словаря можно долго, подробно останавливаясь на каждом моменте: это и большой объем словника, и тщательно продуманный

этимологический аппарат (приводится не только первичный этимон языка-источника, но и ближайшие языки, из которых слово могло быть заимствовано в русский язык; это чрезвычайно полезная и интересная информация, имеющая как научную, так и познавательную ценность, наконец, это "просто" доставляет удовольствие в процессе чтения – немаловажное и редкое качество научного труда), и фиксация производительных норм, и грамматическая характеристика слова, и его стилистическая маркировка, и энциклопедическая информация о реалии-денотате (см., например, *марафонский*, *котурны*, *планета*, *идеографический* и др.). Чрезвычайно важными, интересными и полезными являются системно-языковые и понятийные связи лексем: приводятся аналогические соответствия понятийного плана (*коммуна*, *класс*, *дегенерация*, *палимпсест*, *октава*, *октет*, *троллейбус*, *дельта*, *тромбон*, *мегаэнтрон* и др.), представлена довольно обильно фразеология и фразеологизированные комплексы (*компания*, *коммунизм*, *пресс*, *фронт*, *карта*, *монастырь*, *монета* и др.), неотъемлемой характеристикой языковой жизни слова являются его сочетаемостные характеристики (*камера*, *классический*, *стиль*, *экономия*, *политика*, *макияж* и др.), словообразовательные связи слова показывают его укорененность и освоенность в языке (*генерал*, *картофель*, *майор*, *мазохизм*, *актер* и др.).

Зона аналогов слова (смысловые "притяжения" и "отталкивания") позволяет заключить, что перед нами элемент идеографического (тематического, понятийного) справочника, и – как показывает данный Словарь – это обстоятельство пошло на несомненную пользу филологическому словарю. Зона собственно языковых параметров слова (произношение, грамматика, стилистика, толкование) свидетельствует, что это словарь ф и л о л о г и ч е с к и й по своим критериям и подходам к лексической единице. Именно сочетание филологического словаря с энциклопедическим (и отчасти идеографическим) делает Словарь Л.П. Крысина новаторским в современной отечественной лексикографии и служит, с одной стороны, продолжателем традиции и, с другой, – зачинателем нового поколения словарей иноязычных слов. Словарь Яновского уже на рубеже XVIII–XIX веков давал орфографические и фонетические варианты иноязычных слов, указывал сферы их использования, толковал лексемы через русские синонимы или предлагал описательное (дескриптивное) объяснение реалии; Словарь Зотова – Толля (в обиходе – Словарь

Толля) представлял как прямые заимствования (в этом не было ничего нового), так и давал лексические кальки (ср., например, включение "политических" терминов *правый, левый* – калькированных из французского *droit, gauche*).

Таким образом, Словарь Л.П. Крысина вписан в существующую "парадигму" словарей иноязычной лексики, усовершенствовав процедуру подачи слов, справочник тем самым задает образец, модель для других. Вместе с тем, "парадигматический" взгляд позволяет прочертить некоторые перспективы работы в данном типе словарей, а именно: привлечение не только заимствованных слов, но и калькированных лексем, актуальных для современников (как, например, в Словаре Толля). Разумеется, это не легкая работа, связанная с выявлением в русском языке таких слов, однако не безнадежная, если а) принять ориентацию словаря на литературный язык, б) использовать уже накопленные значительные наблюдения русистов над калькированными словами (типа *подразделение* < франц. *subdivision*; *небоскреб* < англ. *sky-scraper*; *пользователь* < англ. *user* и т.д.).

Если эта работа не под силу одному человеку, то вполне по плечу коллективу лексикографов и лексикологов при современной оснащенности труда филологов компьютерной техникой и программным обеспечением. Кажется также, что тогда сам термин "иноязычный" можно понимать так: слово, пришедшее из иных (других) языков в прямом или переведенном (калькированном) виде; Л.П. Крысин понимает под иноязычными "слова, заимствованные из западноевропейских языков... и языков народов бывшего СССР и многонациональной России: (с. 5). Однако содержательные отличия термина "иностраный" и "иноязычный" при таком подходе все-таки не вполне "лингвистичны", а мотивированы культурно-исторически (экстралингвистически). Не "вернуться" ли нам (на новом витке развития теории и практики лексикографии) к тому пониманию иноязычного слова, которое было свойственно для отечественного языкознания середины XIX века?..

Филологические преимущества словаря Л.П. Крысина перед словарями иностранных слов, в подавляющем числе случаев следующими традициями энциклопедической подачи слова, очевидны. Узловые пункты построения словарной статьи Л.П. Крысиным предложены убедительные и перспективные. Далее мы коснемся только тех проблем филологического

представления иноязычного слова, которые – как кажется – ставит Словарь перед последующими справочниками или переизданиями.

Один из коренных вопросов каждого словаря – объем словника, это традиционно критикуемая часть любого словаря. Словарь Л.П. Крысина предлагает читателю внушительное количество толкуемых фактов – около 25 000 лексем и словосочетаний. Автор обосновывает правомерность или неправомочность, с его точки зрения, включения слова (словосочетания) в свой словарь (с. 6–7), избегая слишком поспешной фиксации и предпочитая "выждать" некоторое время, в течение которого лексема должна еще "зарекомендовать" себя не просто как частотная словоформа, проникшая в русский язык, но адаптированная в нем и приобретающая права лексического (а следовательно, и лексикографического) "гражданства".

Однако динамика современной лексической системы такова, что "выжидание" может оказаться весьма коротким периодом времени. Например, в первом издании Словаря (в 1998 г.) не было слов *интернет, секундхэнд, паркинг, сайт, номинант* и др., очевидно, не включенных автором по причине новизны и неопределенной судьбы в языке. Во втором издании они включены в Словарь (пусть не на своем алфавитном месте, а в составе Дополнения – очевидно, по техническо-полиграфическим причинам), что свидетельствует, во-первых, о внимании автора к изменяющейся языковой действительности, во-вторых, о постоянном и очень быстром пополнении русского лексикона новейшими заимствованиями и их быстрой адаптацией (словообразование, сочетаемость) в языке (преимущественно в средствах массовой информации – употребляю все-таки пусть и неуклюжее, но традиционное словосочетание-термин вместо *массмедиа*). Вот почему невключение в Словарь таких лексем, как *чат* (англ. *chat* "болтать; болтовня"), *сноуборд, траст, трастовый, велоэргометр, алкометр, степпер, фэнтази = фэнтези = фэнтэзи, кросс-опрос, контекстология, рэмбо, мачо, чикано, бизнесвумен = бизнес-вумен, бизнес-леди, махалля, конфу = кунфу, инти* "основная денежная единица Перу", *караоке* и др. едва ли выглядит оправданным. Очевидно, что сфера компьютеров, спорта, бытовых приборов, автомобильного дела, социологии, политологии и других областей лексики оказывается наиболее незащищенной для проникновения заимствований, поскольку слабо или совсем не обеспечена своим, "отечественным" лексическим материалом.

Основной текст Словаря отражает кодифицированный литературный язык и выдержан в нормативном духе и стиле – там мало жаргонных образований. Во втором издании Словаря симпатии автора стали все больше склоняться в сторону филологии (то есть показу реальной жизни термина), что привело к включению жаргонных лексем: *гейсфит*, *грин*, *гэг*, *хипповый*, *хипповать*, *ламер* (тогда почему нет слова *юзер* < англ. *user* с тем же значением и не менее – если не более! – широким хождением); также оказались включенными окказионализмы или слова, еще не ставшие или имеющие мало шансов стать фактом русского языка; *бардотизм* (<Брижит Бардо), *бобиситтер*. Включение их в словарь продиктовано, как нам кажется, личной позицией Л.П. Крысина (эти лексемы явно не частотны), однако это право составителя. Здесь же мы хотим подчеркнуть то обстоятельство, что формирование словаря – дело трудное и зачастую субъективное, потому что – ориентируясь на вышеприведенные жаргонные лексемы – также обоснованно можно спросить и себя, и автора: чем "хуже" слова типа *гёрл*, *стрит*, *кранты*, *ксива*, *шмон*, *смак* (идиш. *schmack* < нем. *schmecken* "пробовать на вкус"), *жлоб* (идиш. *zhlub* "тупица, хам") и др. и почему они "недостойны" словарной фиксации, в жаргонах освоенные задолго до *гринов* и *гэггов*? кроме того, автор включил слово *уик-энд* (кстати, данному без всяких ограничительных помет: так ли?), но не дал такие частотные в современном русском речевом обиходе междометия, которые явно пришлись по вкусу, – *вау* (англ. *wow* – первоначально: возглас восхищения в театре), *оис* = *уис* (англ. *oops* = *hoor* = *whoop*), *бла-бла-бла* (англ. *bla-bla-bla*), *шум* (англ. *shit* "дерьмо") – кажется, что данные междометия прочно и надолго "обосновались" в русском языке.

Жаргонная лексика в наше время имеет очень высокую степень распространения, благодаря чему границы между типами жаргонов часто стерты или размыты (так называемый *интержаргон*, или *общий жаргон*). К сожалению, у Л.П. Крысина нет пояснения собственно стилистических помет, однако кажется, что стилистическая помета "жарг." у него чаще всего ассоциируется с профессиональным сленгом (жаргоном). Как же быть с другими жаргонами – уголовным, студенческим, музыкальным, наркоманов и проч.?.. Разумеется, нельзя превращать словарь и н о я з ы ч н ы х слов, в словарь жаргонной лексики, но где границы привлечения жаргонного материала? Тут еще много не-

выясненного и неопределенного. Очевидно, это – "подводные камни" словаря и н о я з ы ч н ы х слов, выплывающего с филологических позиций, или – если угодно – неизбежная "плата" за филологизм: живой язык прорывает плотины и преграды энциклопедизма, просачиваясь в Словарь через щели словообразования, сочетаемости, фразеологии. Удерживать этот языковой поток (живой, как жизнь – Н.В. Гоголь; эти слова в качестве эпиграфа к своей книге использовал К. Чуковский) и теоретически трудно, а практически вообще вряд ли возможно.

Поскольку мы имеем дело с языковым материалом, а не просто энциклопедическими понятиями, то встает вопрос о вариативности слов и степени ее отражения в Словаре. Только один пример в качестве образца. Л.П. Крысин дает слово *плеер* [лэ] без графических вариантов, посчитав, видимо, эту графическую форму установившейся и нормативной в русском языке. Однако другие лексикографические источники (не менее авторитетные в современной лексикографии [ТСРЯ; БТС]) показывают неустоявшуюся графическую форму: *плеер*, *плеер*, *плэйер*, то есть дают динамическую орфографическую картину данной лексемы. Можно ли с уверенностью сказать, что в русском языке останется только графическая форма, предложенная Л.П. Крысиным, а все другие отомрут? Современный лексический материал такой определенности – по нашим наблюдениям – не дает. В то же время Л.П. Крысин приводит такие редкие (на наш взгляд) варианты, как *нюдизм*, *нюдист* (ТСРЯ, БТС, "Современный словарь иностранных слов" их не дают). Очевидно, со стороны автора требуются дополнительные обоснования правомерности и законности выбора того или иного графического варианта. К сожалению, Л.П. Крысин не упомянул в достаточно внушительном "Списке основных источников" двух словарей, изданных в Санкт-Петербурге и уникальных каждый по-своему: ТСРЯ представляет динамическое состояние русского языка на исходе XX века, БТС является самым полным на сегодняшний день однотомным толковым словарем русской лексики (около 130 000 слов).

Толковые словари стремятся к унификации подачи материала. Словарь Л.П. Крысина унифицирован в достаточно высокой степени, но встречается и непоследовательность. Например, при толковании и языковой жизни экономического понятия лучше следовать единообразному способу подачи: в Словаре даны производные слова таким образом – *холдинг* (толкуется) < *холдинговый*, *франчайзинг* (толкуется) < *франчайзинговый*,

однако нет слова *фьючерс*, хотя есть *фьючерсный*; нет слова *венчур*, хотя есть *венчурный*. При толковании политических или религиозных учений, течений также существует традиция подачи материала – через обозначение религии, веры к ее последователям. Такой путь кажется логически и лингвистически обоснованным: в Словаре даны – *буддизм* (толкование) и его производные: *буддист*, *буддистский*; *индуизм* (толкование) и его производные – *индуист*, *индуистский* и др. Однако эта логика нарушается, когда мы встречаемся с термином *кришнаит*: мы видим *Кришна* (через объяснение), *кришнаит*, но не найдем *кришнаизм*, *кришнаитский*, хотя оба слова в русском языке употребляются на тех же правах, что и *буддист*, *буддистский*, *индуист*, *индуистский*. Конечно, следовало бы дать толкование термина *кришнаизм* и от него – производные *кришнаит*, *кришнаитский*, чтобы не нарушать унифицированность подачи и в каком-то смысле не вводить читателя в заблуждение (он может подумать, что в русском языке слов *кришнаизм*, *кришнаитский* нет).

Не всегда выдержано также словообразовательное гнездо слов: есть *кроссворд*, но нет *кроссвордист* (популярное в современном языке), есть *кроманьонец*, но нет *кроманьонский*, есть *критик*, но нет *критикессы* (хотя есть *поэт – поэтесса*), есть *регент*, но нет *регентский*, есть *планктон*, но нет *планктонный*, есть *озон* и *озоновый*, но нет *озонный*, есть *оккультист* и *оккультистка*, но нет *оккульт* и *оккультист*, и т.д. Критерий "филологизма" в словообразовании и гнездах иностранных слов следовало бы разработать более тщательно: где границы гнезда, что попадает в гнездо, а что нет, каковы параметры словообразовательного гнезда и другие теоретические вопросы. Так, есть *фалда* и его производное *фалдить* (явно не частотное в русском языке); может быть, вместо таких слов-признаков лучше было бы дать дополнительные лексемы, например, на уровне так называемых "повторяющихся" формантов (есть *нейрохирург*, но нет *микрохирурга*), или регулярных словообразовательных усечений (типа приведенного в Словаре слова *фанат*, но не менее употребительного, но отсутствующего *фан*).

Одним из трудных вопросов грамматической характеристики несклоняемых имен нарицательных (а таких довольно много в иноязычном словаре) является родовая принадлежность. Теоретически здесь как будто нет больших проблем – в академиче-

ских грамматиках и справочных пособиях по русскому языку указано, что род такого типа слов определяется в соответствии с категорией "одушевленное – неодушевленное" (ценность данного справочника в том, что Л.П. Крысин дает такое указание при одушевленных существительных). Однако речевая практика постоянно нарушает эти академические заповеди. Словари отражают большое количество неизменяемых слов, не определившихся в грамматической категории рода. Для примера приведем только несколько лексем, грамматическая квалификация которых трактуется по-разному Л.П. Крысиным и словарями неологизмов [Словарь новых слов 1995; Новые слова и значения 1997]; вначале дается лексема, в скобках – грамматическая квалификация Л.П. Крысина, через тире – грамматическая квалификация слова в словарях неологизмов: *профи* (м. и ж. – м.), *масс-медиа* (мн. – ж.), *кенгуру* (м. и ж. – м.), *круиздо* (с. – м.), *татами* (с. – м. и ср.), *триеннале* (с. – с. и ж.) и др. Очевидно, разнобой в подаче несклоняемых имен нарицательных в разных словарях сохранится и в будущем, ибо составители часто опираются на разные принципы определения рода (отнесение слова к той или иной морфологической категории, влияние смысловых связей с другими соотносительными словами, однако чаще всего эти принципы полуинтуитивные). Закономерность, однако, в русском языке все-таки существует: дистрибуция мужского и женского рода расширяется, среднего – сужается [Мякиля 2000: 103].

Л.П. Крысин создал интересный, полезный, во многом новаторский филологическо-энциклопедический справочник. Можно смело сказать, что для толковой лексикографии это новый тип словаря иностранных (иноязычных) слов – словари XIX века (например, Яновского и Толля) стоят еще слишком далеко от качественной словарной разработки материала. На перекрестке филологизма и энциклопедизма (неслучайно Щерба обозначил это *сущностное* для лексикографии *протиположение* в своей классификации) есть неясные, спорные, дискуссионные вопросы, часть из которых мы постарались затронуть в настоящей рецензии. Однако несомненно одно: Словарь Л.П. Крысина займет достойное место на полке как филолог-специалиста, так и каждого человека, для которого обращение к словарю является проявлением уважения и любви к Слову. На моей книжной полке этот справочник сразу же встал рядом со Словарем Ожегова – надо ли аргументировать причины такого "неслучайного соседства?"

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1986 – Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2.
- БТС* 1998 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Василевская И.А.* 1967 – К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII века) // ИАН ОЛЯ. 1967. № 2.
- Василевская И.А.* 1969 – Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографической практике XVIII века: Авторе. дис.... канд. филол. наук. М., 1969.
- Войнова Л.А.* 1980 – "Новый словотолкователь" Н. Яновского и его источники // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
- История* 1998 – История русской лексикографии. СПб., 1998.
- Караулов Ю.Н.* 1981 – Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Крысин Л.П.* 1997 – Лексикографическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации // Проблемы лексикографии. СПб., 1997.
- Кун Т.* 1977 – Структура научных революций. М., 1977.
- Мякиля Кари* 2000 – К проблеме рода несклоняемых заимствованных имен нарицатель-

- ных в современном русском языке // Scando-Slavica. Т. 46. Copenhagen. 2000.
- Новые слова и значения* 1997 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов // Под ред. Левашова Е.А. СПб., 1997.
- Обнорский С.П., Бархударов С.Г.* – Хрестоматия по истории русского языка. М., 1948. Ч. II. Вып. 2.
- Российская универсальная грамматика 1769* – Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. СПб., 1769.
- Словарь новых слов* 1995 – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Котеловой Н.З. СПб., 1995.
- Смирнов Н.А.* 1910 – Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Первого // Сборник ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 2. Приложение 1.
- ТСРЯ* 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения // Под ред. Скляревской Г.Н. СПб., 1998.
- Цейтлин Р.М.* 1958 – Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.
- Щерба Л.В.* 1958 – Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. [Л], 1958.